

ВЫХОДИТЬ

Еженедѣльно по Субботамъ.
Подписка принимается во
всѣхъ Почтовыхъ Конторахъ
Имперіи, въ С. П. и М. Поч-
товыхъ газетныхъ Экспе-
дціяхъ и въ С. П. Б. у
книгопродавца Псакова.

ВЫСОЧАЙШАЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

ВЫСОЧАЙШИМЪ Указомъ, даннымъ Правитель-
ствующему Сенату въ 30-ый день минувшаго Іюня,
Членъ Совѣта Главнаго Управленія Закавказскаго
Края, Статскій Совѣтникъ *Семеновъ*, за отлич-
но-усердную службу его и особые труды, засвидѣтель-
ствованные Намѣстникомъ Кавказскимъ, **Всемил-**
остивѣйше пожалованъ въ Дѣйствительные
Статскіе Совѣтники.

По всеподданнѣйшему представленію Князя Намѣ-
стника Кавказскаго, нижепоименованные Чиновни-
ки, за отлич-но-усердную службу ихъ, **Всемил-**
остивѣйше пожалованы, въ 30-й день ми-
нувшаго Іюня:

Кавалерами Ордена Св. Анны 2-ой степени:

Правитель дѣлъ Канцеляріи Совѣта Главнаго Уп-
равленія Закавказскаго края, Коллежскій Совѣтникъ
Дмитрій Кипиани; состоящій при Совѣтѣ Кол-
лежскій Совѣтникъ *Михаилъ Знайко-Яворскій*; На-
чальникъ Отдѣленія Канцеляріи Намѣстника Кав-
казскаго, Надворный Совѣтникъ *Александръ Борзен-*
ко; бывшій Секретарь Канцеляріи Намѣстника,
нынѣ назначенный Каспійскимъ Областнымъ Про-
куроромъ, Коллежскій Ассесоръ *Михаилъ Дмитрев-*
скій, и состоящій при Совѣтѣ Главнаго Управле-
нія, Титулярный Совѣтникъ *Іакинѣвъ Алексѣевъ-Ме-*
схивъ.

Того-же Ордена 5-й степени:

Начальникъ Счетнаго Отдѣленія и Казначей Кан-
целяріи Намѣстника, Коллежскій Ассесоръ *Василій*
Былъевъ; Секретарь той-же Канцеляріи Титулярный
Совѣтникъ *Алексій Строковъ*, состоящій при
Совѣтѣ Главнаго Управленія Титулярный Совѣт-
никъ *Давидъ Габаевъ*, и Помощникъ Дѣлопроиз-
водителя Канцеляріи Совѣта, Коллежскій Секретарь
Яковъ Милославовъ.

Слѣдующими чинами:

Титулярные Совѣтники: Начальникъ Отдѣленія
Канцеляріи Намѣстника *Андрей Невскій*, состоя-
щій при сей-же Канцеляріи Князь *Сергій Кочу-*
бей, и Дѣлопроизводитель Канцеляріи Совѣта
Андрей Трофимовъ, со старшинствомъ ему послѣ
днемъ со дня выслуги узаконеннаго за отличіе
срока, т. е. съ 6-го Марта 1845 г. — **Коллежскіе**
Секретари: Старшій Столоначальникъ Канцеляріи
Намѣстника *Акимъ Мицуловъ*, Столоначальникъ
той-же Канцеляріи *Николай Татаринъ*, Помощ-
никъ Дѣлопроизводителя Канцеляріи Совѣта Глав-
наго Управленія *Иванъ Индутьинъ-Спафарій*, со
старшинствомъ ему послѣднему со дня выслуги
узаконеннаго за отличіе срока, т. е. съ 19-го Ав-
густа 1845 г. и Переводчикъ восточныхъ языковъ
при Канцеляріи Намѣстника, Прапорщикъ *Мирза*
Фетъ-Али Ахундовъ.

Чинами Коллежскаго Регистратора:

Младшій Помощникъ Чиновника по секретной
части Канцеляріи Намѣстника, Дворянинъ *Навелъ*
Булаковъ, Помощникъ Столоначальника Канцеля-
ріи Намѣстника Дворянинъ *Александръ Папаринъ-*
пуло, и Письменный Переводчикъ той-же Канцеля-
ріи Меликъ *Григорій Пубаровъ*.

Полуродовымъ окладомъ жалованія:

Помощникъ Дѣлопроизводителя Канцеляріи Со-
вѣта Главнаго Управленія, Губернскій Секретарь
Михаилъ Майсуровъ.

ВЫСОЧАЙШИМЪ Указомъ, за собственноруч-
нымъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
подписаніемъ, даннымъ Придворной Конторѣ 30-го
Іюня, состоящій при Намѣстникѣ Кавказскомъ Ти-
тулярный Совѣтникъ Князь *Воронцовъ*, **Всемил-**
остивѣйше пожалованъ въ званіе Камеръ-юнкера
Двора ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.

ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ.

По военному вѣдомству.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, въ
лагерѣ при селеніи Петергофѣ, соизволяя отдать
слѣдующіе приказы:

Іюля 3-го дня 1846 года.

Производятся за отличіе по службѣ. *По*
Гарнизонной Артиллеріи: Артиллерійскихъ Гарпи-
зонавъ: Александропольскаго Подпоручикъ *Ана-*
нинъ, въ Поручики. Изъ Прапорщиковъ въ Под-
поручики: Эриванскаго *Коркуловъ*. 11-й Артилле-
рійской бригады *Устюжанинъ*. Грузинскаго Окруж-
наго Арсенала *Козловскій*.

Іюля 4-го дня 1846 года.

Производится. *За отличіе въ дѣлахъ противъ*
Горцевъ, со старшинствомъ, — по Пльхотъ: Пльхот-
ныхъ полковъ: Модинскаго Капитанъ *Брезгунъ*,
въ Маіоры, съ 22-го Ноября 1845 года. Навагин-
скаго Капитанъ *Кишицкій*, въ Маіоры, съ 23-го
Октября 1845 года. *По Корпусу Топографовъ.* Ка-
питанъ *Пытуховъ*, въ Подполковники, съ 20-го
Октября 1845 года.

Утверждаются въ чинахъ за отличіе въ дѣлахъ
противъ Горцевъ, со старшинствомъ съ 25-го Ок-
тября 1845 года. Произведенные Главнокомандую-
щимъ Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ, Генера-
ль-Адъютантомъ Княземъ Воронцовымъ: *По*
Пльхотъ. Навагинскаго пѣхотнаго полка: Подпо-
ручикъ *Скопиковъ*, въ Поручичьемъ. Прапорщикъ
Цытмихинъ, въ Подпоручичьемъ. Унтеръ-офицеры:
Уштинскій и *Друзьякинъ*, въ Прапорщичьихъ. Вилен-
скаго Егерскаго полка унтеръ-офицеръ *Иваненко*,
въ Прапорщичьемъ. *По Инженерному Корпусу.*
5-го Сапернаго баталіона Подпоручикъ *Ананичъ*,
въ Поручичьемъ.

Назначается: *По Пльхотъ.* Бывшій Адъютантъ
Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Генераль-Маіора *Ко-*
цебу 2-го, пѣхотнаго Принца Прусскаго полка Ка-
питанъ *фонъ-Штеммель*, Адъютантомъ къ нему же
Генераль-Маіору *Коцебу 2-му*, по званію Началь-
ника Главнаго Штаба войскъ, на Кавказѣ находя-
щихся, съ переводомъ въ Тенгинскій пѣхотный
полкъ.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ объявляетъ Монар-
шее СВОЕ благоволеніе: состоящимъ по Кавале-
ріи, Командирамъ Линейныхъ Казачьихъ полковъ:
Гребенскаго Полковнику *Суслову* и 1-го Сунжен-
скаго Подполковнику *Сльцову*; Егерскаго Генера-
ль-Адъютанта Князя Воронцова полка: Коман-
диру онаго Полковнику *Барону Меллеру-Закомель-*
скому, Подпоручику *Бардачевскому* и Прапорщику
Демьяненко, — за отличіе, оказанное ими въ дѣлахъ
противъ Горцевъ.

Іюля 7-го дня 1846 года.

Производится: *Въ сравненіи съ сверстниками.*
По Пльхотъ: Состоящій въ должности Адъютанта
при Начальникѣ 19-й Пѣхотной дивизіи, Генераль-
Лейтенантъ *Лабинцовъ*, Кубанскаго Егерскаго пол-
ка Прапорщикъ *Пейкеръ*, въ Подпоручики, со стар-
шинствомъ, съ 21-го Сентября 1845 года и съ
оставленіемъ въ настоящей должности.

Утверждается конфирмація. *По Линейнымъ*
баталіонамъ. Главнокомандующаго Отдѣльнымъ
Кавказскимъ Корпусомъ, палъ Штабѣ Капитаномъ
Грузинскаго Линейнаго № 12-го баталіона *Шоль-*
цонъ, который, за предосудительное поведеніе и
буйственныя поступки, разжаловывается въ рядо-
вые, впродъ до выслуги.

Іюля 8-го дня 1846 года.

Производится: *за отличіе въ дѣлахъ противъ*
Горцевъ, Дагестаискаго пѣхотнаго полка, изъ Маіо-
ровъ въ Подполковники *Рытцъ*, со старшинствомъ
съ 13-го Іюля 1845 года.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ объявляетъ Монар-
шее СВОЕ благоволеніе: Черноморскаго Линейнаго
баталіона № 3-го Поручику *Моислевскому* и Под-
поручику *Григорьеву*, за особенное усердіе и само-

отверженіе ихъ при спасеніи экипажа съ судовъ,
потерѣвшихъ крушеніе въ Новороссійскомъ рейдѣ
въ 1844 году.

Іюля 10-го дня 1846 года.

Производятся, *на вакансіи: Кавказскаго Сапер-*
наго баталіона: изъ Штабъ-Капитановъ въ Капита-
ны *Стодольскій*, въ 3-й Резервный Саперный бата-
ліонъ. Изъ Поручиковъ въ Штабъ-Капитаны *Га-*
раевъ. Изъ Подпоручиковъ въ Поручики: *Воилъ-*
лярскій, *Викунинъ* и *Корсбергъ*, — всѣ трое въ
этотъ-же баталіонъ, и *Панченко*, въ 3-й Резер-
вный Саперный. Изъ Прапорщиковъ въ Подпору-
чки: *Лутохинъ*, въ этотъ-же баталіонъ, *Проску-*
ряковъ и *Фонъ-Кригъ*, — оба въ 3-й Резервный
Саперный.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ КАВКАЗА.

Тифлисъ. 6-го Августа, вечеромъ въ 4½ часа,
за нѣмецкою колоніею происходила конская скачка.
Пріятно видѣть, что удовольствие этого рода, и здѣсь
начинаетъ имѣть своихъ любителей, и на этотъ
разъ, бѣгъ составленъ былъ охотниками, которые
пуская своихъ лошадей на состязаніе, вносили усло-
вленную сумму, въ которой образовался призъ.

Всѣхъ лошадей въ скачкѣ было 9. Призъ выигралъ
принадлежащій Князю Воронцову меренъ англи-
ской породы, проскакавъ 6 верстъ въ 9½ минутъ.
За нимъ, куртинскій жеребецъ, г. Матинова,
мало чѣмъ уступившій английскому скакуну.

Въ слѣдующемъ номерѣ подробно опишемъ
эту занимательную скачку, новое еще у насъ удо-
вольствіе, но въ которомъ всѣ принимаютъ такое
живое участіе.

8 Августа, въ 8½ часовъ утра, чувствуемъ былъ
здѣсь сильный ударъ землетрясенія.

Баку. 16 Іюля, въ 10 часовъ вечера, городъ нашъ
былъ обрадованъ появленіемъ на своемъ рейдѣ
перваго парохода *Тарки*, прибывшаго изъ Астра-
хани, подъ командою Лейтенанта Свинкина. А 19
числа, пришелъ оттуда же другой пароходъ *Ленко-*
ранъ, подъ командою Капитанъ-Лейтенанта Акуло-
ва. Оба парохода желѣзные, каждый во сто силъ.
Пароходное сообщеніе учреждено постоянное: кажды-
мѣсячно, 1-го и 15 числа, пароходы будутъ от-
правляться изъ Астрахани, заходить въ Петров-
ское укрѣпленіе на ост. Саръ, въ Баку, и
возвращаться на Волгу.

Таксою опредѣлено взимать: съ каждаго пасса-
жира за помѣщеніе въ каютѣ по 8 руб. сер., на
палубѣ 4 руб. сер., и при нихъ можетъ быть без-
платней тяжести по 4 пуда. Съ прочей-же клади
и товаровъ по 15 коп. сер. съ пуда.

Теперь, благодаря поспѣтельному Правительству
за эту благодѣтельную мѣру, сообщеніе Закавказ-
скаго края съ центромъ Россіи и даже съ С. Петер-
бургомъ, установлено прочно, съ огромнымъ вы-
игрешьемъ времени; а умѣренность перевозной
платы, значительность которой, до сихъ поръ,
единственно была причиною дороговизны въ
краѣ нѣкоторыхъ товаровъ Россійскихъ ману-
фактуръ, — дастъ возможность намъ, Закавказцамъ,
вполнѣ почувствовать благодѣаніе этого учрежде-
нія, чрезъ пониженіе цѣнъ на стечественныя из-
дѣлія, неминуемо долженствующее послѣдовать.
Теперь, изъ Баку, въ 2 дня пути, вы же въ Астра-
хани, въ 10 дней въ Нижнемъ-Новгородѣ, а въ
15, въ Петербургѣ, совершивъ путь этотъ покойно
и дешево! Какъ не порадоваться, какъ не быть
намъ призвательнымъ къ мудрому и попечитель-
ному Правительству, уничтожившему, можно такъ
сказать, трехтысячное разстояніе, до сихъ поръ
раздѣлявшее Сѣверъ и Югъ Россіи; благодѣтель-
ное рукою соединившее торговые выгоды, семей-
ные и дружескіе узы обитателей двухъ отдѣлен-
ныхъ полюсовъ нашего отечества! Теперь, мы,
Закавказцы, не можемъ сказать, что живемъ вдали
отъ родины и долгая разлука раздѣляетъ насъ съ
семействомъ. Правда, хоть по прежнему, находимъ
ся въ тридцатомъ Царствѣ обширной матушки

ЗАМОКЪ ВАРДИКХЕ.

ПОВѢСТЬ.

(Окончаніе).

Вокругъ Вардикхскаго замка, на богатыхъ коврахъ, разостланныхъ по длиннымъ его аллеямъ, подъ тѣнью акацій и каштановъ, сидѣли турецкіе Беки и горскіе Князья, прибывшіе съ царицею изъ похода. Это были гости ея, мирные пограничные сосѣди, приглашенные въ замокъ для разныхъ политическихъ переговоровъ. Двѣсти придворныхъ служителей подносили гостямъ, на серебряныхъ и золотыхъ блюдахъ, роскошныя яства. Выстъ съ иноземцами сидѣли и Грузины, Князья и Дворяне, и позади каждого изъ нихъ стоялъ слуга съ огромнымъ узерчатымъ кувшиномъ, наполненнымъ греческимъ виномъ. Музыка и пѣсни, смѣшанныя съ криками народа, не умолкали не цѣлымъ днемъ, и только скрывъ тяжеловѣсныхъ воротъ замка, запираемыхъ съ закатомъ солнца, и стукъ въ большую металлическую доску, давали знать пирующимъ о наступленіи ночи. Празднество продолжалось три дня; четвертый назначенъ былъ для прощанія съ царицею. Въ полдень, 600 вооруженныхъ всадниковъ, въ шлемахъ и латахъ, въ три ряда стояли у стѣвъ замка, въ ожиданіи выхода царицы. Копи ихъ были покрыты богатою сбруею, усыпанною дорогими камнями, изукрашеною золотомъ. Толпы народа тѣснились вокругъ, съ любопытствомъ поглядывая на царскую дружину, то на иноземныхъ гостей, которые, поджавъ ноги, чинно сидѣли на коврахъ и пили различные шербеты изъ винограднаго сока.

Руставель, еще въ первый разъ въ жизни, не могъ быть участникомъ въ праздникахъ дашныхъ Тамарою. Съ утра до вечера, угрюмый, одиноко просиживалъ онъ у рѣшетчатыхъ оконъ своего домика и съ досадою смотрѣлъ на царедворцевъ, съ важною разхаживавшихъ по длиннымъ аллеямъ. Рамаза не было въ замкѣ; разставшись въ ту ночь съ своимъ другомъ, онъ на другой день нехотя поѣхалъ на встрѣчу къ царицѣ, и съ дороги-же посланъ былъ ею въ Тифлисъ, съ поздравленіемъ, къ главному визирю съ счастливою побѣдою ея надъ непріятелемъ. Нины тоже не было; больная не выходила изъ своей комнаты. «Тамара! говорилъ Руставель, зачѣмъ такъ страстно люблю тебя и жажду свиданія съ тобою? Не я-ли считался другомъ твоимъ и обожалъ тебя, какъ божество? Но теперь, ты презираешь меня за то, что гналъ отъ тебя лицемеріе и коварство твоихъ царедворцевъ, которые пятнаютъ честь своей царицы? Тамара, какъ ты не поняла меня!.. Правда, обширно твое царство, много рабовъ у тебя, но много-ли такихъ, которые, подобно мнѣ, взираютъ на тебя, какъ на солнце и поклоняются какъ божеству? о!.. болѣе такихъ, которые отъ тебя же ждутъ поклона и не иначе хотятъ называть, какъ своею сонаслѣдницею, или лучше сказать, грабительницею своего достоянія... И ты съ улыбкою смотришь имъ въ глаза и говоришь: они—моя подпора! А эти безстыдные лицемеры дерзаютъ еще поносить твое имя и издѣваться надъ святою чувствомъ, не сознавая, что сердца ихъ также мало доступны любви и жалости, какъ душа ихъ прямого и истиннаго... Нѣтъ, умолкни сердце мое, заглохни страсть!..»

Вдругъ, съ шумомъ растворились главные ворота замка, загрѣмѣла музыка, и, какъ солнце, явилась царица въ блестящемъ паланкинѣ, окруженная многочисленною свитой; громкіе клики: «да здравствуетъ царица Тамара!» далеко огласили окрестность, и все смолкло въ благоговѣнномъ молчаніи.

Сильно забилося сердце Шоты... Паланкинъ остановился на небольшой площадкѣ передъ гостями.

— Друзья, пріятели мои! сказала Тамара. Богъ даровалъ намъ побѣду, и вы, вѣрные сосѣди наши, пришли подѣлиться общею радостію. Благодареніе Богу и храброму моему народу! — Было время, когда царственные предки мои, на случай побѣдъ, одаряли иноземныхъ гостей своихъ добычею, отнятою у непріятелей; — мы-же, изъ сожалѣнія къ врагамъ, оставили добычу на мѣстѣ, а взяли съ собою только славу и честь!.. И теперь, когда высокоименитымъ Бекамъ и Князьямъ угодно поклянуть мой замокъ и поспѣшить домой, я хочу запечатлѣть въ ихъ памяти время посѣщенія ими моего замка, и потому желаю одарить ихъ не богатствомъ чужеземнымъ, добытымъ изъ невѣрныхъ рукъ, но своимъ собственнымъ, Богомъ намъ даннымъ!..

Гости стали на колѣни и челомъ склонились до земли. Заиграла музыка и десять верблюдовъ на вьюченыхъ подаркахъ, ведомые казнохранителями царицы, явились на площадку. Царскіе совѣтники снимая съ верблюдовъ, стали раздавать гостямъ богатѣйшія оружія—сабли, стрѣлы, луки, конья, шлемы, латы; потомъ — слитки золота, серебра, жемчугъ и изумрудъ, золотыя и серебряныя ва-

зы, работы древнихъ мастеровъ, и наконецъ, мѣха и бурки, и предложили каждому изъ нихъ выбрать для себя любого коня съ полнымъ сѣдломъ и уборомъ.

Громкія восклицанія: «да здравствуетъ великая царица!» повторились снова и снова, воцарилось благоговѣнное молчаніе. Одинъ изъ старѣйшихъ Бековъ выступилъ изъ сонма гостей, удивленныхъ щедростію Тамары, и сталъ передъ царицею.

— Повѣлительница многихъ народовъ, царица семи царей! Какъ ярокъ свѣтъ для очей того, кто изъ глубокой темной ямы вышелъ смотрѣть на солнце! Ярокъ,—и я склоняю предъ тобою голову, не смѣя взирать на блескъ твоихъ лучей! Склоняю—но молю тебя, мудрая царица, обратитъ на мгновеніе слухъ твой къ недостойному твоего лицезрѣнія пришельцу съ дальней страны... Земля наша, прибережная къ морю, издавна свободна отъ зависимости кичливаго Султана, признаетъ надъ собою только власть царей Грузинскихъ. Предки мои, одинъ изъ почетѣйшихъ Бековъ моей земли, неразъ сражались, царица, за честь и славу твоего отечества. Каждый изъ нихъ, умирая, оставлялъ въ семьѣ своей преданіе о могуществѣ и мудрости твоихъ предковъ, мужей доблестныхъ на полѣ битвы и въ царскихъ судилищахъ. Не ни одинъ изъ отцовъ моихъ, не оставилъ по себѣ преданія о женщинѣ, мудрости которой неизмѣрима, какъ дно морское, а величіе и могущество такъ-же необъятны, какъ слитыя вмѣстѣ 40 морей! И Аллаху угодно было удостоить меня, перваго въ семьѣ моей, почтить потомство свое памятью о тебѣ, царица Тамара!..

Я видѣлъ царство твое, обширное и славное, видѣлъ богатства и роскошь твою, въ сосудахъ, изумрудъ и жемчугъ въ мѣшкахъ, горы золота и серебра; видѣлъ я коней твоихъ, быстрыхъ какъ вѣтеръ и легкихъ какъ птица; видѣлъ я славу и храбрость твоего народа,—видѣлъ все, о чемъ и сонъ не говоритъ;—но не видѣлъ одного изъ драгоценѣйшихъ камней, украшающихъ твою корону. Говорятъ—будто тотъ камень, царица, блеститъ ярче мѣсяца и звѣзды и уступаетъ въ сіяніи только солнцу; и сладкозвучный булбули будто при видѣ его изливаются въ треляхъ и вѣтеръ далеко разноситъ его сладостныя пѣсни... Покажи намъ тотъ камень, царица!.. Когда мы прибудемъ на родину и спросятъ насъ—гдѣ были мы; то съ гордостью скажемъ — мы были у солнца и видѣли звѣзду, любимую булбули... Покажи намъ, царица, одного изъ счастливѣйшихъ смертныхъ, придворнаго пѣвца твоего—Шота Руставеля!..

Тамара, на мгновеніе задумалась, бросила взоръ на рѣшетчатые окна дома Руставеля и потомъ отвѣчала гостямъ:

— Высокоименитые Беки и почетѣйшіе Князья! предки мои имѣли у себя драгоценную саблю, которая и теперь хранится у меня. Та сабля—наслѣдіе храбраго царя Вахтанга Гургъ-Аслана. Пріѣзжали послы отъ Шаха Персидскаго, пріѣзжали отъ Султана и Кесаря Византийскаго, пріѣзжали и отъ васъ, и отъ многихъ странъ Востока, чтобы только посмотрѣть на ту саблю; но предки мои отвѣчали имъ, что лучшая драгоценность въ домѣ не показывается никому. Какъ-же вы хотите, чтобы я показала вамъ одинъ изъ блестящихъ перловъ моей короны, который драгоценнѣе той сабли?..

— Истинно, царица, произнесли вполголоса Беки и Князья, и поклонились до земли.

Подали знакъ, заиграла опять музыка, царица простилась съ своими гостями и удалилась въ прежнемъ торжественномъ шествіи.

Черезъ часъ, когда все смолкло на дворѣ и жители разошлись по домамъ, приближалъ къ Руставелю маленькій нахъ Тамары и объявилъ, что царица требуетъ его къ себѣ.

— Меня-ли точно? спросилъ Руставель, удивленный неожиданнымъ призывомъ.

— Именно васъ, отвѣчалъ посланный; идите скорее.

Холодная дрожь пробѣжала по тѣлу влюбленнаго Шоты при мысли, что предстанетъ опять, послѣ долгой разлуки, предъ своею прекрасною царицею.—Ужъ не хочеть-ли она проститься со мною на вѣки? думалъ онъ. А можетъ быть, зоветь благодарить, что я исполнилъ желаніе ея и женился?

— Скажи мнѣ, душечка, спросилъ онъ пажа, царица ничего не говорила обо мнѣ на дорогѣ?

— Вамъ известно, что мнѣ нельзя пересказывать словъ царицы.

— Знаю, знаю, что нельзя пересказывать ея словъ; но ты Расскажи мнѣ слышанное своими словами.

— Если такъ—то извольте. Поминется, когда мы были на берегу моря и татарскіе князья пріѣзжали къ царицѣ заключать съ нею миръ, то она сказала одному изъ нихъ, что у нея въ замкѣ живетъ поэтъ, котораго не отдали-бы за половину ихъ царства. «Какъ имя этого человѣка?»

Россіи, по 15 дней самаго пріятнаго, живописнаго и удобнаго путешествія, и вы уже находитесь на отдаленѣйшемъ рубежѣ родины и посреди радушной семьи, въ объятіяхъ дорогихъ вашему сердцу. Нѣтъ человѣка въ цѣломъ краѣ, который-бы въ скоромъ времени не почувствовалъ благотворнаго слѣдствія этой мудрой мѣры, знакъ постоянного попеченія Правительства о благосостояніи народовъ мирно соединенныхъ подъ скипетромъ Россіи, рассыпающимъ на него лучи славы и блага земныя.

Ахалцихъ. 27-го числа Юля, въ г. Ахалцихѣ открытъ минеральный источникъ. — По медицинскомъ изслѣдованіи, источникъ этотъ оказался угле-кислаго свойства, по количеству заключающагося въ немъ газа сильнѣе даже Урвельскихъ кислыхъ водъ. — Начальство приняло дѣятельныя мѣры къ очисткѣ его, а граждане города изъявили готовность устроить ваненный домъ,—съ тѣмъ, чтобы доходъ выручаемый отъ онаго поступалъ въ пользу города.

ДВИЖЕНІЕ ЗАКАВКАЗСКОЙ ТОРГОВЛИ,

въ Юнѣ 1846 года.

		СЕРЕБРОМЪ.	
		рубл.	коп.
ПРИВОЗЪ.			
Издѣлій бумажныхъ	— —	82,741.	72 ¹ / ₂ .
— — шелковыхъ	— —	50,201.	36.
— — шерстяныхъ	— —	8,679.	90.
Сырца шелка	— —	17,009.	—
Мягкой рухляки	— —	10,826.	10.
Хлѣба разнаго	— —	9,781.	19.
Краски	— —	8,660.	40.
Скота	— —	8,440.	90.
Мѣстныхъ издѣлій	— —	4,312.	5.
Фруктовъ	— —	5,011.	15.
Табаку курительнаго	— —	2,668.	62 ¹ / ₂ .
Напитковъ	— —	2,400.	—
Кожъ разныхъ	— —	1,122.	90.
Издѣлій перламуровыхъ	— —	1,078.	5.
Металловъ	— —	1,352.	—
Разныхъ товаровъ	— —	27,006.	48 ³ / ₄ .
И того		241,291.	83³/₄.

		СЕРЕБРОМЪ.	
		рубл.	коп.
ОТВОЗЪ.			
Шелка сырца	— —	5,868.	—
Шелковыхъ издѣлій	— —	2,366.	—
Кожъ разныхъ	— —	11,691.	—
Хлѣба разнаго	— —	4,610.	—
Икры паюсной	— —	2,700.	—
Скота	— —	1,740.	—
Металловъ	— —	3,111.	—
Бумаги хлопчатой	— —	1,342.	—
Нефти черной	— —	2,480.	—
Лѣса	— —	2,500.	—
Позумента	— —	1,298.	—
Разныхъ товаровъ	— —	14,565.	60.
И того		54,271.	60.

Пополнѣ съ привозныхъ товаровъ поступило — — — 20,170 р. 94¹/₄ к.

Монеты:

Въ привозѣ — 1,485 р. 5 к. Въ отвозѣ 301,245 р. 30 к.

Каравановъ:

Въ приходѣ — 193. . . . Въ отходѣ . . 99.

Разныхъ судовъ:

Въ приходѣ — 40 Въ отходѣ . . 41.

Правленіе Женскаго благотворительнаго Св. Нины Общества изъявляетъ свою благодарность **В. Ф. Переваленку**, за присылку нѣсколькихъ учебныхъ книгъ, для учебнаго заведенія Св. Нины, учрежденнаго Обществомъ.

Канцелярія Намѣстника Кавказскаго изъявляетъ свою искреннюю благодарность: **Г. А. А. Борзенко**, **Н. Г. Тройницкому**, **П. И. Хрусталеву**, **Р. Д. Давыдову** и **Я. П. Поломскому**, за пожертвованныя ими разныя книги въ учреждаемую, съ разрѣшенія Князя Намѣстника, при Канцеляріи публичную библиотеку.

спросилъ князь. Шота Руставель, отвѣчала царица. Шота въ восторгѣ обнялъ маленькаго пажка и разцѣловалъ его.

— А не знаешь-ли, душечка, зачѣмъ давеча всѣ посмотрѣли сюда, когда царица прощалась съ гостями?

— Зачѣмъ? Татары просили показать имъ васъ, а царица отвѣчала, что подарила вамъ какую-то саблю, а послы прѣехали и взяли ее съ собою; поэтому и не захотѣла исполнить ихъ просьбу.

— Какую саблю? царица мнѣ никакой сабли не дарила?

— Ну такъ, вѣрно, Вахтангу... или-те-же скорѣе, не заставляйте царицу жать себя.

Съ этими словами пажъ убѣжалъ... Руставель, не понявъ ничего изъ словъ пажка, впалъ въ какое-то раздуміе. Черезъ пять минутъ онъ уже былъ въ покояхъ царицы.

Тамара, скинувъ праздничный нарядъ, въ легкомъ одѣяніи сидѣла на тахтѣ и читала персидскую рукопись. У ея ногъ, маленькихъ и стройныхъ, обутыхъ въ голубой бархатъ, сидѣли три придворныя дѣвушки и вышивали золотой поясъ. Тамара, то принималась за чтеніе рукописи, то задумывалась; нетерпѣніе и ожиданіе выражались въ ея взорахъ, устремлявшихся на дверь при малѣйшемъ шорохѣ въ сосѣднихъ покояхъ.

— Ну что-же? спросила она вѣбжавшаго въ комнату пажка.

— Онъ ужъ здѣсь.

— Зови сюда! и подала знакъ дѣвушкамъ удалиться.

Руставель вошелъ и смутился.

— Радуюсь, сказала Тамара, не измѣнилъ своего положенія, что вижу тебя здоровымъ, Шота; а здорова-ли жена? Твой другъ, Рамазъ, говоритъ мнѣ на дорогѣ, что ты ее очень любишь!

Руставель молча поклонился.

— Истинно, царица, сказалъ онъ со вздохомъ, что ни о комъ не говорили тебѣ и друзья и враги мои столько правды, какъ обо мнѣ. Я также сильно люблю жену свою, какъ голубиный-кости, которыя даютъ ему вмѣсто хлѣба.

Тамара улыбнулась.

— Когда нѣтъ хлѣба, то и кости хороши, чтобъ никто не лаялъ, сказала Тамара съ улыбкой.

— Понимаю, царица.

— Слѣдовательно, ты не можешь считать себя недовольнымъ мною?

— Не могу и не смѣю, царица.

Тамара замолчала и задумалась. Руставель стоялъ недвижно, вперивъ жалкій взоръ въ прекрасную свою повелительницу. Голова ея была повязана богатымъ чернымъ платкомъ, съ золотыми вышивками цвѣтовъ. Распушенные волосы, не покрывали полуобнаженной ея груди, бѣлой какъ мраморъ. Розовое кисейное платіе едва скрывало подъ собою прелестныя формы тѣла; быстро скользилъ по нимъ смущенный взоръ влюбленнаго поэта и сильно трепетало его сердце. Казалось, будто она призвала все искусство женщины желающей нравиться, что-бы снова обворожить своего поклонника. Напрасный трудъ, и безъ того страсть пылала въ немъ аскимъ пламенемъ!

— Шота, продолжала она, послѣ долгаго молчанія, я очень сожалѣла, что не могла взять тебя съ собою. Впрочемъ, ты самъ прилично. Я обозрѣла много провинцій, была за границами Турціи и непріятель всюду бѣжалъ. Только два раза мы имѣли съ нимъ битву. А писалъ-ли ты что во время моего отсутствія?

— Я только думалъ о тебѣ, царица, такъ когда же было писать?

— Что-же ты думалъ; вѣрно и въ мысляхъ бранилъ меня?

— Позволишь-ли мнѣ, царица, сказалъ Руставель, ободренный ласковымъ ея пріемомъ, высказать тебѣ, что давно лежитъ у меня на душѣ? Высказать теперь-же, при первомъ свиданіи съ тобою, послѣ долгой разлуки, вмѣсто всякихъ обычныхъ привѣтствій и краснорѣчивыхъ похвалъ твоему мудрому и заботливому правленію царствомъ обширнымъ? Правда, я рабъ твой, но какъ люди, какъ созданія одного и того же Всемогущаго Творца, мы равны. И такъ, позволь мнѣ говорить!...

— Слушай! сказала она, и положила рукопись на тахту.

— Царица Тамара! началъ Руставель, въ то время, когда я былъ еще ребенкомъ и жилъ подъ кровлею отческою, то неразъ слышалъ о чудной красотѣ, смѣлости и умѣ твоёмъ и жаждалъ видѣть тебя. Когда мудрому родителю твоему, блаженной памяти царю Георгію, угодно было вызвать меня къ себѣ, вмѣстѣ съ прочими, для отправленія въ Ашны, то лучшимъ моимъ желаніемъ, по приходѣ во дворецъ, было — видѣть тебя. Ты была еще ребенкомъ. Старую няню твою, которая и теперь въ живыхъ, усидѣлъ я скоро подкупить: она поставила меня у дверей твоей спальни; сама-же

вошла къ тебѣ и оставила двери полуотворенными. Я посмотрѣлъ туда и ты, почти ровесница мнѣ, прекрасная какъ ангелъ, стояла на колѣняхъ передъ иконою Божьей Матери и рученками призывала Бога. Я долго стоялъ у дверей и долго смотрѣлъ на тебя, но ты все молилась и не замѣчала меня. Наконецъ, кончивши молитву, ты оглянулась и подошла ко мнѣ со вопросомъ: молился-ли и я? «Нѣтъ», отвѣчалъ я, покрасивъ, и отступилъ назадъ. «Ну такъ я за тебя молилась», сказала ты и, скрылась.

— Помню тотъ день! продолжай.

— Царица! я несчастливъ. Съ тѣхъ поръ, какое-то невѣдомое чувство поселилось въ груди моей и какъ червь грызетъ сердце. Я былъ и въ странахъ далекихъ Востока, тамъ, гдѣ солнце сіяетъ ярче, чѣмъ здѣсь; гдѣ розы цвѣтутъ пышнѣе, чѣмъ у насъ, — но образъ твой, который не покидалъ меня, сіялъ ярче солнца тѣхъ странъ, былъ пышнѣе всѣхъ розъ Востока; — я носилъ его съ собою и не разставался съ нимъ, ни въ минуты душевнаго покоя и упоительной нѣги, ни въ дни мучительныхъ томленій и грусти непонятной. И вотъ, наконецъ, колесо счастья поставило меня лицомъ къ лицу съ тобою, моя великая царица, и, съ минуты перваго свиданія нашего, сталъ благословлять я жизнь, но вмѣстѣ съ тѣмъ и проклинать... Ты помнишь-ли, мудрая царица, продолжалъ Руставель послѣ минутнаго молчанія, одно изъ рассказанныхъ когда-то тебѣ мною арабскихъ сказаній, — какъ невѣдомый странникъ, долго томимый мучительною жаждой подъ знойнымъ небомъ безпредѣльной пустыни, нечаянно увидѣлъ вблизи источникъ холодной и чистой воды; онъ тотчасъ бросился къ нему, чтобы напиться, но гордая, широколиственная пальма, подъ сѣнью которой журчала вода, оттолкнула несчастнаго странника и не дала ему утолить жажду; — и сколько разъ онъ подступалъ онъ — пальма не пускала его; она говорила ему: «никто изъ смертныхъ не утоляетъ еще жажды изъ этого источника, и ты лж, дерзкій пришелецъ, хочешь первый смутить его воды! Иди, отдохни подъ моею сѣнью, но касаться воды не дерзай!» Странникъ не отдыха жаждалъ. Молча отошелъ онъ отъ пальмы и присѣлъ на землю, жадно впиваясь глазами въ прозрачный источникъ. Лишь только свирѣлый вѣтеръ подулъ и оглушилъ гордую пальму, онъ готчасъ бросился къ водѣ и сталъ утолять свою жажду... Вѣтеръ мгновенно утихъ и жестокая пальма, очутившись, увидѣла подъ собою упоенаго странника, который все еще не сводилъ глазъ съ прекраснаго источника. Шумно опустила она къ землѣ свои вѣтви и сдала имъ дерзкаго пришельца. Бѣднаго не стало... Не похожъ-ли я, царица, на этого страдальца, томимаго жаждой?...

— Нѣтъ, не похожъ, прервала Тамара, закрывая свои плеча; тотъ странникъ былъ нищій бедуинъ, а ты — болтливый поэтъ.

— И безумецъ! прибавилъ Руставель. Прости мою смѣлость, Тамара, неговорю вину, потому что я менѣе виновенъ чѣмъ тѣ, которые ползутъ у ногъ твоихъ и разливаютъ повсюду ядъ. Я говорю тебѣ открыто и прямо то, чего-бы не говорилъ другой: — значитъ, я постигъ твое сердце, а они, лицемеры считаютъ тебя...

— Оставимъ ихъ, прервала Тамара. Прошедшее я готова забыть; но только ты не забывай, что я твоя царица, а ты — мой рабъ. Теперь же, выслушай и меня.

— Приказывай царица, сказалъ Руставель и поцѣловалъ край ея одежды.

— На пути сюда получила я отъ Шаха, между прочими книгами, которыя увидишь послѣ, вотъ и эту рукопись. Я дочитала ее до половины и она мнѣ очень понравилась. Въ ней прекрасно рассказана исторія одной красавицы — царевны и молодого царевича, ея жениха, который десять лѣтъ въ звѣриной кожѣ скитался по лѣсамъ и вызывалъ на бой самыхъ отважныхъ богатырей, чтобъ только удалствомъ своимъ скорѣе удостоиться руки невѣсты. Эта книга самая рѣдкая въ Персіи; подобной нигдѣ нельзя найти. Читала я и Армянскія книги и сказки Турецкія и другія, но ничто не можетъ сравниться съ этою повѣстію. Руставель! прочитанная половина такъ мнѣ понравилась, что я готова дать всякому золота на вѣсь его самого съ полнымъ вооруженіемъ, еслибъ только перевелъ онъ удачно эту книгу на нашъ языкъ.

— Царица! исторія эта мнѣ давно извѣстна и я берусь съ охотою перевести ее, но — не хочу я золота.

— Чего-же ты хочешь?

— Не вижу золота!

— Ну, если трудъ твой будетъ оконченъ успѣшно и мнѣ понравится, ты согласишься въ выборѣ для себя любой награды; твое желаніе будетъ исполнено.

Руставель низко поклонился. Онъ странно посмотрѣлъ на Тамару и глаза его засверкали.

— Да будетъ такъ, царица, проговорилъ онъ

вполголоса и взялъ рукопись изъ ея рукъ.

— Иди домой, Шота, и займись работой. Чѣмъ скорѣе окончишь, тѣмъ лучше. Вѣрно и Анна ждетъ тебя?

Шота еще разъ поклонился и вышелъ.

Прошло три мѣсяца. Руставель собрался къ царицѣ.

— Боже мой, произнесъ онъ смотря на лежащую передъ нимъ рукопись, какъ скоро протекло это время и работа не была мнѣ въ тягость! твой образъ, Тамара, вдохновлялъ меня и вотъ, я исполнилъ желаніе твое, я могу потребовать награду по своему выбору...

Въ полу-отворенныхъ дверяхъ, стояла на порогѣ блѣдная, трепещущая Нина, взнеможенная послѣднею болѣзнію, убитая тоской и равнодушіемъ страстно любимаго ею мужа.

— Куда ты Шота?

Руставель остановился, молча потупивъ глаза.

— Не совѣтъ-ли это, не тѣмъ-ли уже убитой жены, подумалъ онъ, является въ ту минуту, когда готовъ я вкушать блаженство...

— Шота, ты окончилъ свою работу? Не правда-ли, ты будешь теперь со мною? Вѣдь ты забылъ, что Нина еще жива, и по прежнему любить тебя и тобою только живетъ?.. И Нина обняла мужа.

Шота, противъ воли, отвѣтилъ ласкамъ жены, прижалъ ее къ сердцу, поцѣловалъ въ голову и страшная борьба азкинула въ его душѣ; — угрозы и совѣты, казалось, готовы были одолѣть пожирающую его страсть, готовы были остановить его и Нина такъ сладко, такъ отрадно шептала сквозь рыданія: «Я снова счастлива, Шота! я забыла свои страданія! ты мой, я счастлива...» Казалось, и онъ чувствовалъ уже сладость и миръ въ этихъ ангельскихъ объятіяхъ и забылся, но рукопись, трудъ, которымъ долженъ былъ добыть избранную имъ награду, рукопись упала на полъ и пробудила его отъ сна къ дѣйствительности. Руставель содрогнулся, прижалъ крѣпче къ сердцу Нину блаженствующую возвратомъ любви мужа и тихо сказалъ: прости! — поднялъ рукопись и быстро вышелъ изъ комнаты.

— Шота, стой, куда ты?.. — Его уже не было и обезумѣлая Нина стояла недвижно съ простертыми къ дверямъ руками и слезы, еще за мгновеніе слезы блаженства катились по ея блѣднымъ щекамъ.

Руставель, остановился у воротъ замка. Воздухъ былъ тихъ, вечерняя заря догара. Шота, прислонивъ къ стѣнѣ, задумчивыми взорами сталъ слѣдить за послѣдними лучами заходящаго солнца и казалось, прощался съ ними; а они незаметно убѣгали за дальній синій небосклонъ, бросая кровавый отблескъ на вершины снѣжныхъ горъ.

— Чего-же медлю, какалъ сила приковала меня къ этому мѣсту, — и хочу идти и жалъ расстаться съ созерцаніемъ этой дивной картины природы, какъ будто мнѣ больше ее не увидѣть... въ душѣ какая-то робость, тревога, надъ ухомъ какъ бы кто то шепчетъ: «не забывай, что я твоя царица, а ты мой рабъ!» Нѣтъ, я не былъ твоимъ рабомъ и не буду имъ; — иди, она не измѣнитъ своему обещанію, она господинъ своего слова!..» и онъ пошелъ въ ворота.

Тамара, съ тяжкою грустію, задумчиво сидѣла у рѣшетчатаго окна и безознательно смотрѣла на угасающій пламень вечерней зари. Вдругъ, растворилась дверь, вошелъ Шота и она невольно вздрогнула.

— А, наконецъ ты явился... ты окончилъ мое порученіе?...

— Окончилъ, царица... одно изъ лучшихъ желаній твоихъ выполнено.

— Читай, сказала Тамара и пересѣвъ на тахту, склонила голову на подушку.

Руставель дрожащимъ голосомъ началъ читать.

— Прекрасно, Шота, благодарю тебя! Прочти еще тѣ главы, въ которыхъ описываются похождения въ лѣсу молодого царевича и печаль царевны, считающей его погибшимъ.

Руставель невиновался. Сердце его билось сильно, дыханіе занималось, онъ часто бросалъ взгляды на Тамару, и, казалось, хотѣлъ прочесть на ея лицѣ, — будетъ-ли ему ожидаемая награда?...

— Шота! сказала наконецъ Тамара, ты исполнилъ одно изъ лучшихъ моихъ желаній и такъ, какъ я и ожидала отъ тебя. Приказываю тебѣ отнынѣ называться бездѣльнымъ перломъ моеи короны.

Руставель молчалъ, подавая въ себѣ душевное волненіе...

— Шота! ты одинъ изъ прекраснѣйшихъ и счастливейшихъ смертныхъ въ эту минуту! И съ этими словами Тамара взяла изъ рукъ его рукопись и поцѣловала ее.

— Выбирай себѣ, Шота, любую награду; у меня есть много золота и серебра, много жемчуга и ц-зумрудовъ, много людей и деревьевъ; — выбирай — что хочешь!...

— Не навизу золота, презираю жемчугъ и изумрудъ, а людей убъгаю, царица! Награду для меня, ты сама уже выбрала. . . .

— Говори, какую?
— Я прошу только часть той награды. . .
— Не помню, говори—мое слово неизмѣнно. . .
— Я безразсуденъ, Тамара! . . . и съ этими словами Руставель упалъ къ ея ногамъ и обнялъ ея колѣни.

Спустя недѣлю, замокъ Вардцихе былъ запертъ, по случаю отъѣзда царицы. Погода стояла пасмурная, туманъ покрывалъ равнину, мелкій дождь накрапывалъ. Около полудня, рыбаки ближней деревни подвезли къ Вардцихскимъ воротамъ обезглавленный трупъ неизвѣстнаго челоука и спрашивали его родственниковъ. Много Князей и Дворянъ собралось около трупа и разглядывали его. Одни изъ нихъ не узнавали мертвеца, или лучше сказать, не смѣли узнавать и отходили прочь, другіе же, внимательно разсматривали остатки его платья, по которымъ было видно, что незнакомецъ не изъ простаго сословія. Слухъ объ этомъ разнесся быстро по домамъ. Много собралось народа, но никто не могъ сказать кто былъ обезглавленный утопленникъ?

Въ отдаленіи отъ толпы стояли, прислонившись къ стѣнѣ, Рамазъ, его товарищъ Джимшеръ и вѣной скрипачъ. Въ лицѣ Рамаза выражалась досада, смѣшанная съ нетерпѣніемъ; онъ безпрестанно поглядывалъ то на слѣпаго старика, который, опершись о костьль, жадно вслушивался въ рассказы проходящихъ о неизвѣстномъ утопленникѣ, то на длинный аллеи, идущія вокругъ замка, выжидая, повидимому, чьего-то прихода.

— Рамазъ, посмотримъ утопленника, не узнаемъ ли мы его?

— Джимшеръ, и безъ насъ его узнаютъ.
— Куда ты послалъ Георгія—его спрашиваютъ въ толпѣ?

— За Шотой, отвѣчалъ угрюмо Рамазъ.
— За Шотой. . . . не придетъ-ли онъ? Онъ занятъ порученіемъ Тамары. . . . Вотъ уже третій мѣсяцъ хмъ его не видно. . . . Впрочемъ, и мы вѣдь только сегодня пріѣхали. . . .

— Не придетъ? . . . Что скажетъ, если не придетъ? Онъ долженъ прийти! . . . Свиданіе со мною, послѣ долгой разлуки можетъ отложить, но отъ свиданія съ отцомъ, котораго считаетъ умершимъ, не можетъ отказаться. . . .

— Рамазъ, ты странный челоукъ, увѣренъ-ли ты въ томъ, что Шотъ будетъ пріятно здѣсь, передъ народомъ, признать отца своего въ оборванномъ нищемъ, который еще недавно приходилъ сюда съ скрипкою въ рукахъ и съ торбою за плечомъ. . . .

— Да, я хочу, чтобы здѣсь, передъ народомъ, передъ гордыми царедворцами Тамары, благородный другъ мой призналъ въ этомъ челоукъ—отца своего. . . . Ты смотришь на платье его? . . . Посмотри на сердце, оно истерзано болѣе. . . . Слышишь, Джимшеръ? — я хочу этого и не возражай ми! . . .

Старый Руставель съ жаромъ обнялъ Рамаза и поцѣловалъ его.

— Непонимаю тебя. . . . проговорилъ вполголоса Джимшеръ и отошелъ въ сторону.

— Димтрій, подойдемъ къ толпѣ, сказалъ Рамазъ и пошелъ впередъ. Какъ? . . . Нина! . . . И она здѣсь. . . .

Въ это мгновеніе раздался пронзительный женскій крикъ. . . . Всѣ оглянулись. . . . Бѣдная Нина скорѣе всѣхъ узнала своего несчастнаго мужа. Ужасъ обнялъ Рамаза и лицо его покрылось смертною блѣдностью. . . .

— Раступитесь, вскрикнулъ онъ громовымъ голосомъ и толпа отхлынула.

— Димтрій Руставель! сказалъ онъ, обратившись къ вѣному скрипачу. Царь Георгій отнял у тебя сына, царица Тамара сжалась надъ тобой! Иди и возьми его трупъ!

Старикъ упалъ безъ чувствъ. Глаза всѣхъ обратились на то мѣсто, гдѣ стоялъ Рамазъ, но его уже не было въ толпѣ.

М. Майсуровъ.

ВОДОПРОВОДЫ

ВЪ ЗАКАВКАЗСКОМЪ КРАѢ.

Вода составляетъ на Востокѣ первый и главный источникъ народнаго богатства; безъ орошенія полей ничто не родится. Пробѣгая по Эриванскому Уѣзду, вполне убѣждаемся въ ея живительную, всемогущую дѣйствіи: рядомъ съ безплодною степью, гдѣ во прахъ сожжена послѣдняя былинка растительности, — чудно зеленѣетъ и роскошничаетъ богатая пшва, а благотворный водопроводъ, ее напоющій — журчатъ въ прохладѣ подъ тѣнію вѣковыхъ деревьевъ. Пустыня и оазисъ, смерть и жизнь — царствуютъ въ полномъ могуществѣ и только отдѣлены другъ отъ друга одною чертой жидкой воды.

Закавказскій край покрытъ сѣтью водопроводовъ: въ сѣверо-западной части менѣе, въ юго-восточной болѣе, и на столько, на сколько промышленность и богатство жителей этихъ двухъ полюсовъ края между собою различествуютъ.

Меньшая степень развитія системы орошенія полей въ Грузіи, Имеретіи и Мингреліи происходитъ частью, отъ обилія въ сихъ земляхъ рѣкъ и болотъ, а частью, отъ безпрерывныхъ политическихъ потрясеній, препятствовавшихъ народу развитію промышленности, а Правителямъ и Царямъ — содѣйствовать ея распространенію, устройствомъ водопроводовъ на счетъ государственный, или лучше сказать, на свой собственный.

Въ остальной-же части, прежде составлявшей провинціи Персіи, — орошеніе полей еще и до сего времени находится въ цвѣтущемъ состояніи.

Провинціи эти управлялись наследственными въ родѣ своемъ, Беглярбеками, для которыхъ управляемая ими страна была источникомъ личнаго обогащенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ, средствомъ къ уплатѣ податей въ казну Шаховъ. А какъ при посредствѣ только водопроводовъ можно было извлекать изъ земли выгоды, то Беглярбеки исправляли ихъ, и проводили новые, или нарядомъ на работу всего народонаселенія провинціи, или на свой счетъ, пополняя впоследствии издержки взываніемъ съ пользующихся канавами, по большей части пятой доли урожая всѣхъ произведеній. Безропотное повиновеніе народа деспотической власти Беглярбековъ и, безотчетность ихъ управленія — способствовали къ достиженію гигантскихъ предпріятій.

Разсматривая водопроводы въ Эриванскомъ уѣздѣ, изумляешься огромности и смѣлости сооруженій подобнаго рода. Примѣчательнѣйшіе изъ нихъ, суть памятники великихъ Царей и Царицъ Востока, увѣковѣчившихъ имя свое въ памяти народной, не потоками пролитой ими крови, но потоками несущими обиліе плодовъ земныхъ. Еще видны слѣды канавъ основанныхъ, какъ говоритъ преданіе, Царями династіи Гайковъ, Тиграномъ воздѣль крѣпости Кара-кала, и существуетъ до сихъ-поръ каналъ *Шамирамъ* — сохранившій имя своей основательницы — Семирамиды. Остальные, дѣйствующіе и въ настоящее время, обязаны сооруженіемъ своимъ Царямъ Арменіи послѣдующихъ династій, а наконецъ нѣкоторымъ Шахамъ Персидскимъ и Сардарамъ Эриванскимъ, въ числѣ которыхъ славны въ этомъ отношеніи Сардаръ Гусейнъ — послѣдній Эриванскій Ханъ. Онъ возобновилъ множество древнихъ водопроводовъ, вывелъ новые и намѣревался провести канаву изъ р. Арпачая на безплодную и обширную равнину: Талынскую и Сардарабатскую, на пространствѣ 150 верстъ; но война Персіи съ Россіею воспрепятствовала ему исполнить это благо намѣреніе.

Въ Нахичеванскомъ Уѣздѣ видны слѣды запруды на мѣстѣ называемомъ *Каписель*. Горная долина была заперта каменною стѣной и образовывала обширный резервуаръ, въ который стекалась нагорная вода отъ дождей и снѣговъ. Лѣтомъ, при убывіи р. Нахичевани, вода изъ запруды спускалась въ рѣку и уже оттуда расходилась по напольнымъ канавамъ.

Въ Елисаветпольскомъ Уѣздѣ, въ Шамшадльскомъ участкѣ, находится подземный водопроводъ, орошающій поля на пространствѣ 20 верстъ. Вода для него добыта на возвышенныхъ мѣстахъ, посредствомъ множества колодезевъ, тоннелями сведенныхъ въ одинъ токъ. По берегамъ рѣки Ганжинки видны слѣды подобныхъ колодезевъ, на пространствѣ 15 верстъ.

Въ Тифлискомъ Уѣздѣ показываютъ слѣды канавы, вытекавшей нѣкогда изъ Пшавской Арагвы черезъ Сагурамское поле, мимо селенія Авчалы на Дидубайскія поля до Караяесской степи. Памятникъ этого народное преданіе приписываетъ славной Царицѣ Тамарѣ; но тотъ, кто возобновилъ бы этотъ водопроводъ, отнял бы у Тамары на этомъ мѣстѣ, вѣчную память.

Въ нынѣшнемъ Эриванскомъ Уѣздѣ считается дѣйствующихъ теперь *основныхъ* канавъ 148, отъ нихъ идущихъ — *напольныхъ* 384, и *поливныхъ*, введенныхъ изъ послѣднихъ — безчисленное множество.

Многія канавы совершенно высохли, и только слѣды, едва замѣтные, показываютъ ихъ огромное протяженіе и что обширныя и безплодныя теперь степи были нѣкогда населены и плодородны. Но не думаю, чтобы пониженіе водъ Каспійскаго моря, могло имѣть исключительное вліяніе на ихъ уничтоженіе, развѣ только на существовавшіе близъ самыхъ устьевъ рѣкъ. Кура, въ началѣ послѣдней четверти своего теченія, въ Зордобѣ, на границѣ Шекинскаго и Ширванскаго Уѣздовъ, нисколько не понизилась противъ высоты определенной ей первобытными берегами. Потоки и рѣки наполняются дождевыми и снѣжными водами, а общія годовая ихъ пропорція — едва-ли могла уменьшиться, что можно заключить по Гокчинскому озеру, которое,

хотя и отошло отъ береговъ созданныхъ въ минуту его вулканическаго рожденія, — но пространство это имѣетъ самое незначительное паденіе и убыль воды ничтожна.

Скорѣе должно искать причинъ уничтоженія канавъ — въ переворотахъ политическихъ, уменьшившихъ народонаселеніе, побудившихъ жителей тѣхъ мѣстъ къ переходу, и наконецъ, въ безпечности Правительства прежнихъ временъ, не обращавшихъ вниманія на эти источники благосостоянія края.

Проведеніе новыхъ канавъ и возобновленіе древнихъ, должно однакожъ производиться съ большою осторожностію и соображеніемъ; иначе, существующія теперь, при отлѣдѣ воды въ повья, — изсыхаютъ, что случалось весьма часто, и предпринятые труды и значительныя издержки пропадали безъ всякой пользы.

Въ этомъ случаѣ, Гокчинское озеро и опытъ сдѣланный въ горной долинь Каписель, которую въ древности превратили въ обширный резервуаръ, могли-бы служить примѣромъ, какъ должно пользоваться мѣстностію, собирать въ хранилища драгоценную влагу въ продолженіе осеннихъ и зимнихъ мѣсяцевъ, когда она утекаетъ безъ всякой пользы, и лѣтомъ, помогать ею истощенной природѣ.

Я полагаю, вопреки мнѣнію многихъ, будто Гокчинское озеро имѣетъ подземное сообщеніе съ Каспійскимъ моремъ, что оно, напротивъ, служитъ резервуаромъ притоковъ Куры и Аракса. Снѣговья и дождевыя воды горъ, окружающихъ озеро, со стороны къ нему обращенныхъ, — изливаются въ Гокчу, наружными и внутренними путями. Изъ него же, въ свою очередь, подземными потоками просачиваясь черезъ горы, питають истоки рѣкъ долины Эриванскаго Уѣзда: Абаранъ, Занги, Гаричай, Арпачай; Карабагскаго Уѣзда: Базарчай, Хочахчая, Тергера; Елисаветпольскаго Уѣзда: Ганжинки, Шамхора, Дзегамы, Таузы, Акстафы, правые притоки Борчалы и многіе другіе потоки, которые, принимая въ себя еще дождевыя и снѣговья воды покатостей горъ обращенныхъ къ ихъ теченію, получаютъ настоящій свой объемъ и изливаются въ Араксъ и Куру.

Если отвергнуть это предположеніе, то, сообразя положеніе Гокчинскаго озера, находящагося надъ моремъ на 5,510 п. футовъ и окруженнаго со всѣхъ сторонъ горами, за которыми начинаются долины стоящая на нѣсколько тысячъ футовъ ниже дна озера; — должно допустить, что подземный каналъ, сообщающій Гокчинское озеро съ Каспійскимъ моремъ, выходитъ изъ самаго дна его, вертикально, до в. ниже уровня долинь и сообщается съ Каспиемъ. Но при такомъ устройствѣ, едва-ли въ Гокчѣ удержалась-бы капля воды — какъ въ кадкѣ съ проверченными дырочками.

Изученіе системы орошенія полей въ закавказскомъ краѣ, составляетъ теперь важный предметъ. Попечительное Правительство наше обратило особенное вниманіе на улучшеніе этой важной, вспомогательной силы для народнаго благосостоянія, и какъ средства къ осуществленію предпріятій подобнаго рода превышаютъ способности частныхъ лицъ, то всѣ издержки — приняло на свой счетъ. Почти вся система орошенія полей цѣлаго края приведена въ извѣстность; соображено, гдѣ потребность большая въ возобновленіи и очищеніи старыхъ водопроводовъ и, въ началѣ текущаго года, уже дѣлательно приступлено къ исправленію важнѣйшихъ канавъ Эриванскаго Уѣзда, какъ болѣе въ томъ нуждающагося.

Каналъ *Харабаташарскій*, обвалившійся въ концѣ 1842 года, теперь, на пространствѣ 25 верстъ очищенъ, расширенъ и бока его укрѣплены каменными стѣнками. Остается только въ Августѣ мѣсяцѣ, когда въ Арпачай вода спадаетъ, устроить при устьи канала прочное водоотводное крыло, и укрѣпить каменными стѣнами берега рѣки, чтобы защитить канаву отъ размывія ея разливами Арпачая.

Каналъ *Кирхъ Бузавандъ*, выведенный изъ рѣки Гаричай, тоже совершенно пришедшій въ упадокъ, — разчищенъ и укрѣпленъ на пространствѣ 27 верстъ.

Каналъ *Чорбахъ* на протяженіи 8 верстъ исправленъ и прочно укрѣпленъ.

Всѣ эти работы произведены, по порученію Князя Намѣстника Кавказскаго — Эриванскимъ Уѣзднымъ Начальникомъ, хозяйственнымъ образомъ, на что употреблено имъ не болѣе двухъ тысячъ работниковъ по наряду, и деньгами, до 1500 руб. серебромъ, на инструменты и матеріалы, которыхъ жители не имѣютъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, приступлено къ исправленію другихъ водопроводовъ; и осенью этого года, займутся виверновкою мѣстности, по которой будетъ проведенъ каналъ изъ Арпачая на равнины Талынскую и Сардарабатскую. Такимъ образомъ, прекрасная мысль Сардаря Гусейнъ-Хана — осуществится!